

Полина Сулягина

Трое с маяка,
или
Булочная
на Краю Света

6+

Полина Сулягина

**Трое с маяка, или
Булочная на Краю Света**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сутягина П.

Трое с маяка, или Булочная на Краю Света / П. Сутягина —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Неизвестно когда случилась эта история, быть может, пятьдесят, а может и все сто лет назад, в маленьком Городке-вниз-по-холму стоял старый маяк. Он давно не служил по своему прямому назначению, а вместо этого являлся домом для трех путешественников – Мари, Жаннет и мальчика Томми, потерявшего родителей. Мари и Жаннет держат булочную-кондитерскую, а Томми учится в местной школе, где дружит со своей одноклассницей Элис. Трое обитателей маяка, вливаясь в жизнь маленького приморского Городка, постепенно меняют его и меняются сами, находя друзей, влюбляясь, помогая соседям, они делают мир вокруг лучше и светлее. Увлекательные приключения и добрые уютные истории, происходящие с необычной троицей и их друзьями, не оставят равнодушными как маленьких читателей, так и их родителей! Истории пропитаны романтикой старинных парусных кораблей, одновременно знакомя читателей с их устройством, что придает книге не только художественную, но и познавательную ценность.

Содержание

Часть первая. Большой шторм	5
Глава 1. Фиалковые эклеры	5
Глава 2. Мистер Нордваттер	11
Глава 3. Смешанные чувства	15
Глава 4. Шторм	22
Часть вторая. Тайна капитана Орлоба	28
Глава 1. В порт	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Полина Сутягина

Трое с маяка, или Булочная на Краю Света

Часть первая. Большой шторм

Глава 1. Фиалковые эклеры

Томми закрыл книгу, сунул ее под прилавок, и бросился к печи. По всей булочной разносился аромат свежей выпечки. Мальчик облегченно выдохнул, доставая противень с не успевшими подгореть круглыми гладкими булочками, кое-где с бугорками запекшегося изюма.

Сегодня он был за главного. Все утро Томми обладал правами и обязанностями пекаря, но зачитавшись, как обычно, книгой сказок, подаренной ему тетушкой, чуть не провалил доверенное дело.

К полудню должны были подтянуться и остальные. Обычно рано утром приходила одна из девушек, державших булочную, и ставила в печь все заготовки, после чего принималась замешивать тесто для новых. Томми, конечно, еще не доверили тесто. Однако все остальное, включая обслуживание посетителей, было на нем в этот воскресный день. Томми, ужасно гордый оказанным ему доверием, выкладывал булочки на поднос.

Раздался звонок. Томми выскочил из кухни, как раз успев переложить последнюю булочку, и рванул с подносом к прилавку, чудом не растеряв его содержимого.

– Доброе утро! – радостно прокричал он первому посетителю и выставил поднос прямо перед собой.

– Вот только что из печи, сэр! – мальчик автоматически повторил фразу, так часто слышанную им от девушек.

– Привет, Томми! – сказал пожилой мужчина и потянул ноздрями воздух. Почувствованное, видимо, понравилось ему, поскольку он крякнул и указал крючковатым пальцем с обветренной кожей на булочки:

– Заверни мне две, и хлеб с отрубями, как обычно.

Томми ловко отрезал кусок упаковочной бумаги, свернул из нее куль, и щипцами, как его учили и несколько раз напоминали об этом накануне вечером, подхватил горячие булочки и погрузил их в куль. Потом завернул и хлеб.

– Возьмите, сэр! Вот Ваш заказ!

Пожилой мужчина расплатился монетами и направился к выходу, но голос мальчика задержал его:

– Как море сегодня, сэр?

– Спокойное, Томми! – ответит тот, – но шторм будет. Это я точно говорю.

Потом он снова повернулся и, держа хлеб подмышкой, а куль с булочками в этой же руке, другой толкнул дверь, заставив колокольчик снова звякнуть, и вышел.

– Какой же шторм? – возмутился мальчик, – на небе ни облачка!

Мари вбежала в булочную ровно в двенадцать. Томми всегда поражало ее чувство времени. Кто-то рождается с ним, а кто-то нет, думал он, – и с этим уже ничего не поделаешь... Себя Томми относил ко вторым.

Мари, на ходу скидывая рубашку, которую носила поверх платья, унеслась в кухню, только кивнув мальчику в качестве приветствия.

«Опять вся в своих мыслях» – он спрятал книгу под прилавок и пошел раскладывать эклеры. Мари уже вовсю бегала по кухне в фартуке, рассыпая по столу муку, раскладывая миски и шпатели.

– Мари, сегодня мистер Нордваттер обещал шторм...

– Пуф! – отмахнулась девушка, качнув пушистым хвостом, перехваченным резинкой высоко на голове, и продолжила замешивать тесто, – он его всегда обещает!

– Но когда-нибудь это может сбыться, – сказал ей Томми.

– Если все время предсказывать одно и то же, оно когда-нибудь, конечно, сбудется!

– Да? – ехидным тоном заметил Томми, наблюдая, как девушка раскалывает яйца и разделяет их содержимое на две составляющие. – А если я буду каждый день предсказывать появление летающего корабля, это тоже когда-нибудь сбудется?

Мари глянула на него и только махнула белой от муки ладонью, – иди-ка ты, болтун, за прилавок!

Томми пожал плечами и оставил Мари на кухне одну. И вовремя, потому как в этот момент снова звякнул колокольчик, и в их голубую со стеклянными вставками дверь вошла Элис с мамой. Мать девочки, уже немолодая, но вполне привлекательная женщина, всегда держала превосходную осанку и смотрела на мир из-под маленьких полукруглых очков. Томми подозревал, что носила она их только для строгости, потому как однажды, играя с Элис в ее саду, он разбил предыдущую пару точно таких же. Однако мама Элис и без них с легкостью обнаружила, куда он спрятался... «Интересно, у них что, полный чердак таких очков?» – подумал он, когда на следующий день увидел ее в точно таких же. Мама Элис преподавала классические танцы в Городке-вниз-по-холму, а дочери приходилось быть ее лучшей ученицей. Но Элис не слишком любила танцы, ей больше нравилось лазать по деревьям с Томми в лесу, лежащем на склоне, между булочной и маяком. Но мама об этом не знала...

– Добрый день, мэ! – поздоровался Томми, – добрый день, Элис!

– Добрый день, Томми! Нам как обычно, – сказала мама Элис.

– Привет, Томми! А мне эклер с ореховой стружкой! – сказала Элис и улыбнулась. Улыбка у нее была большая и очаровательная, Томми казалось, что от этой улыбки солнечные зайчики начинают прыгать по голубым стенам булочной, по белым волнам, нарисованным кистью Жаннет, и по маяку с красной крышей на одной из стен. Веселые крупные зайчики, такие же желтые и светящиеся, как кудряшки Элис, вечно вылезавшие из ее косы.

– Элис! – покачала головой ее мама. – Сколько раз я тебе говорила, что так неприлично здороваться! И какой эклер? Девушка должна быть легкой, воздушной, – и она картинно развела кистями рук, слегка запрокинув подбородок, будто вдыхая, – и эклеры этому точно не способствуют.

Но Томми считал, что эклеры тоже воздушные, а значит их не только можно, но даже нужно есть молодым девушкам, и тихонько завернув эклер, протянул Элис, пока ее мама забирала остальные покупки.

Жаннет пришла, как всегда, с опозданием на час. Ее руки были запачканы краской, и вид у нее был сонный. В джинсовом комбинезоне с вышивкой на боку и тонкой клетчатой рубашке она появилась на пороге, поздоровавшись с клиентами, которых обслуживал Томми, и, взъерошив мальчишке волосы, гордо прошествовала на кухню. Оттуда послышался ее голос, сообщавший Мари о том, что, наконец, закончила ее «звездную ночь».

«Главное, чтобы уши себе не отрезала, – подумал Томми, – а то, говорят, был уже один такой художник...», но вслух ничего не сказал. Жаннет была добрая, и он любил ее картины и рисунки.

Пробыв какое-то время на кухне, Жаннет вынырнула оттуда с порцией круассанов и присоединилась к Томми за прилавком.

– О, а что это у нас тут? – и девушка выхватила спрятанную Томми книгу.

Он немного сердито глянул на нее, но сопротивляться не стал.

– Сказки народов мира... так-так, – и Жаннет принялась листать книгу, устремив туда свой остренький нос.

Звякнул колокольчик. В булочную вошел молодой мужчина в синем костюме и фуражке, которую он сразу же снял, увидев за прилавком Жаннет. Пытаясь пригласить непослушные черные кудри, он немного смущенно подошел.

– Добрый день, сэр! – сказал Томми, впрочем, понимая, что вошедший будет общаться не с ним.

– Добрый день, Анри! – сказала Жаннет, откладывая книгу.

– Добрый день, Жаннет, добрый день, Томми! – ответил вошедший, мучая руками снятую фуражку.

– Славная сегодня погода... – начал он не уверенно и сразу был перебит заявлением Томми:

– А вот мистер Нордваттер утверждает, что будет шторм!

– Да... – еще смущеннее произнес мужчина.

Жаннет укоризненно посмотрела на Томми, потом ободряюще улыбнулась Анри, демонстрируя маленькие ямочки на загорелых щеках.

– Вам как обычно, Анри? Хотите попробовать наши новые эклеры? Мари украсила их засахаренными фиалками. Представляете? Вы пробовали когда-нибудь в жизни засахаренные цветы? – и, не дожидаясь ответа, выскочила из-за прилавка, доставая с одной из витрин эклеры. Прямо на их белой глазури красовались голубые цветы. Она протянула поднос мужчине и уставилась на него своими зелеными глазками, как говорила одна старушка, «с чертовщинкой». Анри некоторое время не мог оторвать от нее взгляда, потом, переложив фуражку в левую руку, протянул правую и взял длинными и почему-то слегка дрожащими пальцами эклер. Поднеся его ко рту, он надкусил хрупкую глазурь и запачкал в ней аккуратнo подстриженные усики. Жаннет слегка хихикнула, и мужчина поперхнулся.

Томми больше не мог смотреть на все это и снова открыл книгу. «Этому почтальону надо уже быть как-то смелее, – подумал он, – а то Жаннет обратит внимание на кого-нибудь еще. Мало ли в городе симпатичных парней?..»

Сцена с эклером была прервана неожиданно ворвавшейся в булочную большой черной собакой. Животное чуть не сбilo с ног загипнотизированного взглядом Жаннет Анри и почти опрокинуло поднос с эклерами. Пока молодая пара пыталась спасти фиалковое произведение кулинарного искусства, на пороге появилась запыхавшаяся владелица лохматого зверя.

– Ох... – тяжело выдохнула старушка, – прошу прощения... прошу прощения, – лепетала она, пытаясь ухватить за болтающийся поводок собаку. После недолгой борьбы ей это, наконец, удалось, и она, одной рукой сжимая пойманное, а другой поправляя съехавший шелковый платок, подошла к Томми.

– Мальчик... – Томми знал, что мадам Кюрю всегда забывает имена, и не обиделся, – будь любезен, взвесь мне немного безе, м... вишневого, пожалуйста. И еще два кренделя... Багет... и...воот те булочки... ах, пожалуйста, одну только...

Томми принялся быстро собирать заказ.

– Ах, этот негодник, – тем временем продолжала пожилая женщина, – он меня так измотал! Я бежала вверх по склону за этим извергом! Вы можете себе представить?

«Ну что тут было представлять, – подумал Томми, – они и так все видели, двери-то стеклянные и витрина тоже... Ну и потом, не бежала, а просто шла быстрее обычного...» Но вслух он сказал:

– Вот, пожалуйста, мадам! – и протянул ей свертки.

Тем временем «негодник» принялся к почтальону. Его пес не очень любил, ведь тот ездил на велосипеде, а какая собака любит велосипеды?

Анри как раз закончил помогать Жаннет с эклерами, когда пес сделал маленький круг около него и рванул к выходу, поводок в руках мадам Кюрю натянулся, и подсеченный мужчина рухнул прямо на ничего подобного не ожидавшую художницу. Жаннет пискнула, получив в объятия голубоглазого почтальона, и рухнула на витрину. К счастью для обоих, последняя оказалась более стойкой, чем они оба.

Мадам Кюрю охнула, попыталась отловить пса, еще больше запутав бедного почтальона. В этот раз Жаннет уже не смогла удержать его, и тот повалился перед ней на колени. Тут Томми, терпевший до последнего, прыснул и залился смехом. На шум в зал вбежала Мари.

Перед ней предстала замечательная сцена: ошарашенная Жаннет, прижатая к витрине коленопреклоненным почтальоном, растерявшая все свертки мадам Кюрю со сбитым на лицо платком, ее черный пес у двери, мирно виляющий хвостом, и Томми, смеющийся за прилавком.

Она переводила взгляд с одного на другого участника инсталляции, пытаясь догадаться, что здесь произошло, и наконец, задержав взгляд на мальчике, слегка прищурилась. Увидев это, Томми сразу затих и сказал:

– Мари... ну честное слово, я тут ни при чем!

Их маяк стоял на мысу, и поэтому в хорошую погоду с него можно было наблюдать и восход, и закат. Сегодня на небе висели стрельчатые облака, тонкие, как вуаль. Томми знал, что именно такие облака на закате окрашиваются в невероятное разнообразие оттенков от нежно-розового до темно-фиолетового. Он взял Элис за руку, и они побежали. Вверх по склону, через лес!

Бежать было тяжело, но стоит поторопиться, если хочешь обогнать Солнце. Все говорят, что Солнце на самом деле очень большое, во много раз больше Земли. Однако сложно в такое поверить, когда оно так быстро сваливается за горизонт, и почему-то особенно быстро, если смотришь на него в компании Элис... Мари, правда, говорила, что Солнце вовсе никуда не сваливается, а это наша планета поворачивается. Томми верил Мари, он считал ее одной из самых умных и серьезных людей в его окружении, однако ему казалось странным, как возможно, что Земля так быстро вращается вокруг своей оси, а он совсем этого не чувствует... Чувствует же он, когда едет на велосипеде, или качается на качелях, или кружится быстро-быстро, взявшись за руки с Элис, а потом, расцепившись, они разлетаются в разные стороны... Почему он не разлетается в разные стороны с Землей?.. Их преподаватель географии объяснял это странным словом – гравитация.

Запыхавшиеся, они взобрались на холм и побежали к маяку, им еще предстояло преодолеть не одну винтовую лестницу, а небо уже начало менять цвет.

Томми достал ключ от маяка из потаенного места, где они оставляли его. Мари и Жаннет все еще не вернулись из булочной. Небо над заливом окрасилось алыми переливами на неровных спинках облаков. Когда ребята, тяжело дыша, вылезли на площадку с фонарем, солнечный диск уже почти касался воды. Небольшая рябь взъерошила розово-голубую морскую гладь. Они вцепились в перила и смотрели молча, как раскаленный диск постепенно сливается нижним краем с водой и начинает тонуть в ней, растворяя свой цвет в море. Только когда диск полностью сполз вниз, и небо резко переменялось в сторону синевы, Томми обернулся к Элис.

– Надо идти? – грустно спросил он.

– Да... – ответила девочка, – мама сказала, до темноты.

Ее волосы, заплетенные в тугую косу, немного растрепались на бегу, и непослушные кудряшки торчали во все стороны, как ости чешуек в колосьях ячменя. Томми определенно так нравилось больше.

– Мама строгая, – грустно вздохнула Элис.

– Зато она у тебя есть, – ответил мальчик.

– Но разве тебе плохо с Мари и Жаннет?

– Нет, – покачал светлой и лохматой головой Томми, – но они мне как сестры. А здорово было бы с настоящей мамой... Говорят, раньше на маяке жила семья с маленьким сыном. Потом они построили деревянный парусный корабль и ушли на нем путешествовать. Мари попала к ним, когда сама путешествовала, и случайно узнала, что они ищут помощника в булочную, а жить можно будет на маяке. Потом они ее и оставили присматривать за маяком. Жаннет тоже пришла сюда похожим образом, но уже не застала прежних хозяев маяка, а два года назад они взяли и меня. Но я все думаю, наверное, это были очень хорошие люди, раз они восстановили маяк... Рисунки на стенах в гостиной и спальне Мари – это еще хозяйка маяка рисовала, и булочную открыли они с мужем...

– Да, – Элис кивнула, – мне тоже мама о них рассказывала... Они всегда жили как-то отдельно, так она говорила, но их булочная всем нравилась. Ой... – девочка посмотрела на темнеющее небо, – сейчас мама начнет сердиться. Пойдем скорее...

И они снова побежали, но уже вниз по ступеням.

На пороге небольшого, но аккуратного коттеджика с черепичной крышей и маленьким ухоженным садиком за живой изгородью стояла стройная женщина в длинной юбке и вязаной кофте, накинутой на плечи. Она вглядывалась в дорогу и, увидев фигуры двух бегущих подростков, поставила руки в боки и придала лицу вид грозный вместо встревоженного, который оно имело до этого.

– Элис! – сказала женщина строго, – о чем мы с тобой договаривались?

Девочка слегка потупилась, – что я вернусь до темноты, – угрюмо ответила она.

– А сейчас что? – и ее мама повела рукой, как бы демонстрируя спустившийся на городок мрак.

– Так ведь еще не совсем темно, мэм! – встрял Томми – вот, посмотрите на небо! Видите, оно как арбуз, если не догрызть его до самой корки, только не розовый, а синий арбуз!

Элис чуть-чуть хихикнула, а ее мама перевела недовольный взгляд на мальчика.

– А что касается Вас, молодой человек, то Вам следует уважать правила, установленные в других домах. Я понимаю, что две молодые девушки с маяка вряд ли полноценно занимаются Вашим воспитанием.

– Мэм, – сказал Томми, – а приходите к нам на маяк, и я Вам тоже покажу закат! Это невероятно красиво!

– Еще чего! Чтобы я скакала по вашим лестницам!

– О, не переживайте! Я уверен, что Вы справитесь – ведь Вы учитель танцев, а значит, у Вас сильные ноги!

Мама Элис покачала головой, но ничего не сказала на это, только пожелала Томми доброй ночи и безопасно дойти до дома, и увела Элис внутрь. Томми тяжело вздохнул. «Какие же эти взрослые упрямые», подумал он и пошел к булочной, надеясь застать там Мари и Жаннет.

Когда он подошел к голубой двери со стеклянными окошками, Мари как раз собиралась запирать ее.

– Привет, Мари! – окликнул ее Томми. – А где Жаннет?

– Как? – подняла одну бровь девушка, – Ты же ушел на маяк.

– Да, но я вернулся, поскольку провожал Элис. Так где Жаннет?

– Пошла гулять, – сказала Мари, и, вытащив длинный металлический ключ из скважины, положила его в карман.

– С почтальоном? – спросил Томми.

– Она мне не отчитывается, – ответила Мари, и они пошли по тропинке к лесу. Но Томми знал, что с почтальоном, и знал, что Мари это тоже знала. Почему тогда нельзя было ответить прямо?

В лесу уже царил ночная прохлада, и Мари запахла плотнее рубашку. Лес жил своей жизнью, шелестами и шорохами ночных животных и бесшумным полетом филина, который обитал в большом дупле старого дуба. Этот филин, в отличие от большинства своих собратьев, привык к людям и близость городка его не пугала, да и люди нечасто ходили в лес на склоне, только обитатели маяка. Все кто когда-либо жили на этом маяке, понимали природу вокруг и умели находить общий язык со всеми ее обитателями.

– Мари, – спросил Томми, – а ты когда-нибудь влюблялась?

– Конечно, – ответила девушка, бодро шагая по лесной тропинке, – это часть человеческой природы.

– И что потом?

– Ну, что... – она пожала плечами, – по-разному...

– Но ты ни за кого не выходила замуж?

– Как видишь, нет. – Мари явно не нравился разговор.

– Значит, Жаннет тоже не выйдет за почтальона?

Мари прыснула:

– Ах, вот ты о чем. Чем тебе почтальон так не угодил?

– Она переедет тогда с маяка... А с ней хорошо...

Мари погладила мальчика по взъерошенным и влажным от ночного воздуха волосам:

– Не переживай, пока никто никуда не переезжает.

«В том-то и дело, что пока», – подумал Томми, но вслух ничего не сказал.

Мистер Нордваттер поерзал в своей постели и снова посмотрел в окно. У него ныли кости. – «И все-таки идет шторм», – сказал он сам себе и снова залез под одеяло.

Глава 2. Мистер Нордваттер

На следующее утро подул холодный северный ветер. Окна в комнате захлопали створками и разбудили Томми. Он высунул нос из-под одеяла и обнаружил, что уже проспал рассвет. Выскользнув из своего укрытия в прохладу комнаты, он зашлепал босыми ногами по полу. Поднимаясь по лестнице, Томми слышал, что и в комнате Мари происходит какое-то шевеление. Наверху было очень ветрено, и Томми пожалел, что не захватил ничего накинуть. Но поскольку позаботиться о нем было некому, он так и остался стоять в одной майке и шортах, наблюдая морщинистую поверхность океана. Однако, несмотря на смену ветра, облаков на небе было немного. Томми постоял некоторое время, любуясь морем и представляя, как, прорезая морскую гладь, мчится на всех парусах великолепный деревянный фрегат, а потом побежал обратно вниз, и снова нырнул под теплое одеяло. Из мышинной норки и фантастических приключений на борту пиратского судна его выдернул стук в дверь и мелодичный голос Мари, сообщивший о том, что завтрак в гостиной на столе, а она пошла открывать булочную.

– И Томми, пожалуйста, не опаздывай сегодня в школу, и, уходя, проверь – проснулась ли Жаннет.

Томми дождался, пока стихнут на лестнице шаги Мари, потом нехотя вылез из норки и начал одеваться.

«Понедельник... – подумал он, – и что в нем может быть хорошего... толи дело воскресенье – можно дежурить в булочной, гулять с Элис и всяко шалить, впрочем, последнее можно делать в любой день недели!» Один план уже созрел в его голове, и он, схватив портфель, помчался вниз, стуча ботинками по ступеням винтовой лестницы. На этот грохот отворилась дверь комнаты, и оттуда высунулась лохматая и сонная голова Жаннет. Ее каштановые волосы торчали во все стороны, она обычно стригла себя сама, и поэтому пряди на ее голове были разной длины, к тому же частенько разного цвета. Сегодня среди нескольких зеленых и ало-розовых справа появились еще голубые.

– Доброе утро, Жаннет! Как твоя вечерняя прогулка?

– Да все хорошо... – сонно улыбнулась она и, зевнув, добавила: – ты бы мог так не шуметь? Я еще посплю чууууть-чуть... и она, еще раз зевнув, убрала голову из дверного проема обратно в комнату.

Томми спустился в гостиную, быстро сунул два сырника в рот, предварительно обмакнув их в вишневое варенье, выпил полчашки чая и был таков. Жаннет – взрослая девочка, сама разберется, когда ей вставать, – решил он, и весело зашагал сквозь лес, трепыхавший листочками на кронах под порывами холодного северного ветра.

Дорога до школы шла почти через весь городок, поэтому по пути Томми успел пожелать доброго утра большинству его обитателей. Даже большая черная собака мадам Кюрю приветствовала его громким лаем. Когда Томми только приехал сюда, его довольно быстро узнали в городке и отнеслись к мальчику благодушно. Детство Томми провел у своей тети. Она была женщиной немолодой и доброго нрава, но несколько рассеянной. Несмотря на то, что она относилась к Томми хорошо, чуть больше двух лет назад он решил, что не хочет больше обременять пожилую родственницу заботой о «шебутном мальчишке», и отправился путешествовать по примеру погибших родителей, которых он почти не помнил. Тете он оставил письмо, где все объяснял и обещал присылать открытки из каждого города, который посетит. Вот так однажды он и попал на маяк, где жили Жаннет и Мари, да и остался.

Теперь ему, правда, приходилось снова посещать школу, это было условием Мари, зато разрешали помогать в булочной. Город его принял дружелюбно, а в школе он познакомился с Элис.

Часть пути проходила вдоль берега, здесь Томми сразу сбавил скорость. Он очень любил наблюдать за морскими волнами. В городе, где жила его тетя, не было моря, но он почему-то как будто всегда знал его и, попав на маяк, сразу понял, что должен жить рядом с морем.

На берегу, на склоне выделялась одинокая фигура человека. Тяжелые полы его плаща качал холодный северный ветер. Мужчина стоял неподвижно, повернувшись к воде. Томми, узнав его, поздоровался, но тот ничего не ответил. Тогда мальчик подошел поближе и посмотрел на старика. Тот немигающим усталым взглядом глядел вдаль, и казалось, что его обветренное лицо еще больше сморщилось, а длинный горбатый нос стал выделяться сильнее, напоминая клюв.

– Мистер Нордваттер, – осторожно спросил Томми, – с Вами все хорошо?.. Мистер... – и он легонько коснулся рукава его одеяния из грубой просоленной ткани. Старик оторвал взгляд от горизонта и посмотрел на мальчика.

– А, это ты... – сказал он хрипло, будто слова сегодня давались ему с трудом. – Видишь, – и он указал на море, – шторм придет оттуда... Вы не видите его... Но я давно вижу его рваные паруса... Да... – и он кашлянул тяжело, откуда-то из глубины груди, – шторм придет оттуда...

Томми стал пристально вглядываться вдаль, стараясь увидеть тоже, что видел старик. Но перед его глазами лежала лишь слегка морщинистая водная гладь, а по небу шли редкие рваные облачка, гонимые порывами северного ветра.

Издалека раздался самый нелюбимый Томми звук, и он понял, что снова опоздал на первый урок. Томми вежливо попрощался с мистером Нордваттером и побежал к небольшому зданию вниз по тропинке. Вокруг уже не толпились дети, и в коридоре было тихо. Томми аккуратно приблизился к двери класса и постучал.

– Заходи, Томми! – сказал спокойный мужской голос. Мистер Вилькинс, высокий, в хорошо выглаженном костюме, стоял у доски и смотрел на белобрысую голову мальчишки, просунувшуюся в дверь. Проведя пару раз пальцами по небольшой острой рыжей бородачке, мистер Вилькинс пристально поглядел на опоздавшего и поинтересовался, что задержало его в этот раз. Все взгляды, включая Элис, были направлены на него. Томми посмотрел на девочку. Ее аккуратно зачесанные волосы переходили в тугую золотистую косу, но одна непослушная кудряшка все-таки выбилась на свободу и теперь торчала у лба. Это ободряло. Томми считал, что если где-то все слишком аккуратно – жди беды.

– Я встретил мистера Нордваттера по дороге, – начал Томми, – и он сказал мне, что скоро шторм, вот я и подумал, что, может быть, стоит тогда вернуться на маяк... Но потом посмотрел на облака, и решил, что кажется, шторм еще не дошел до нашего берега, и повернул в школу, но почему-то уже прозвенел звонок, – и Томми картинно развел руками, встретив дружную волну смеха. Мистер Вилькинс покачал головой и велел Томми садиться. Высокий бородач не сердился на детей, и Томми он поэтому нравился, а также еще потому, что рассказывал о земном устройстве и далеких материках и странах, где, возможно, когда-то побывали его родители, и куда, быть может, сейчас держали курс бывшие хозяева маяка. Томми представил высокий деревянный корабль с трех мачтах, идущий с раздутыми, как кучевые облака, белыми парусами, летящий на свинцово-синих морских волнах... Но учитель, оказывается, спрашивал совсем не об этом, и Томми, конечно же, прослушал вопрос. Однако мистер Вилькинс не рассердился и в этот раз, вместо этого он протянул мальчику указку и попросил показать на карте и назвать все моря и заливы вдоль береговой линии их материка. Это Томми хорошо знал.

– Ты правда веришь в шторм, который обещает мистер Нордваттер? – спросила его Элис на перемене.

Томми пожал плечами:

– Я знаю, что никто в городе не верит ему, но мне кажется, он видит что-то, что мы не можем видеть. Ты знаешь, сегодня у него был такой взгляд... Очень странный... Как будто его глаза были полны морской воды... Не знаю...

Элис посмотрела на Томми, немного поджав губы, она всегда делала так, задумавшись:
– Я считаю, – сказала девочка, наконец, – нужно с ним поговорить. Может, нам он расскажет больше, чем другим, потому что, в отличие от них, мы – будем слушать.

Они решили, что навестят старого моряка после школы.

Мистер Нордваттер жил в небольшом домике у самой воды. Домик этот стоял на сваях, так что когда приходил высокий прилив, его не заливало. Многие дети побаивались одиноко стоящего дома, да и его хозяина, но Томми, привыкший видеть старика, приходившего в их булочную за хлебом, находил его добрым, просто немного странным. А вот Элис, несмотря на то, что идея посетить мистера Нордваттера принадлежала ей, было явно не по себе, когда они шли по хрустящему от ракушек песку к домику на сваях. Томми не раз видел, как Элис переступает через страх, и уважал девочку за это.

Они постучались, но за дверью было тихо. После второй попытки Томми потянул за ручку и обнаружил, что дверь не заперта. Элис ухватила его за руку и напомнила, что без разрешения нехорошо ходить в чужие дома, но Томми все равно приоткрыл дверь и заглянул. Ему было слишком любопытно, чтобы обращать внимание на этикет.

За дверью оказалось просторное помещение, хорошо освещенное благодаря широким окнам в деревянных рамах, выходящим на море. Вдоль стен стояло несколько узких стеллажей с книгами, а между ними был укреплен настоящий большой деревянный штурвал. Томми, увидев его, совсем забыл про замечание Элис и скользнул в комнату. Он, как зачарованный, приблизился к штурвалу и положил ладони на стертые прикосновениями деревянные ручки. Над штурвалом висела черно-белая фотография за стеклом, в тонкой рамке, на ней был изображен скалистый утес в просторах серых волн. Томми уставился на черно-белое море, и волны будто покатались перед ним, а он, держа штурвал, пытаясь выстоять под порывами соленого ветра, управлял кренившимся судном. Крики матросов, завывание воздушных и морских порывов наполнили его слух... и он не сразу услышал голосок Элис, пытавшийся призвать его к порядку. Он оглянулся, – у окна стоял небольшой письменный стол, на нем были какие-то бумаги, чашка с недопитым кофе, несколько книг в толстых переплетах и чернильница. Томми видел такую в серванте у тетушки, но не знал, как ее предназначения. Элис тоже вошла, но стояла чуть поодаль, не решаясь пройти вглубь комнаты.

– Томми, мы не должны быть здесь...

Он с грустью оторвался от штурвала и пошел за девочкой к двери, бросив быстрый взгляд на стол. Бумаги оказались старыми письмами, пожелтевшими на сгибах. Но рассмотреть поближе он их не успел: послышался скрип песка под тяжелым старческим шагом, и дети бросились прочь из домика.

Выбегая на пляж, они натолкнулись на хозяина покинутого ими жилища.

– Это еще что за дела?! – воскликнул старик.

Бежать было уже неразумно, и Томми, остановившись, заговорил первым.

– Мы искали Вас, сэр! Сегодня Вы выглядели устало, и мы решили проведать Вас.

– Что за чепуху Вы несете, молодой человек! – ворчливо, но не зло сказал старик. – Неужели не нашлось места поромантичнее для свидания с дамой, чем моя убогая хижина?

На щеках Элис появился легкий румянец.

– И вовсе не убогая, – смутилась она, – извините, что потревожили, сэр!

– Ладно, – махнул рукой тот, – пойдете, раз пришли. Напою вас настоящим морским грогом... хм... ну почти...

Старик поднялся в дом, и ребята, переглянувшись, последовали за ним. Там он поставил на плитку металлический чайник, достал заварку, мед, какие-то специи и небольшую пузатую бутылку из темного стекла.

– А вот этот ингредиент только мне, – и он покачал в жилистой руке бутылку, – уж не обессудьте.

Они и не собирались «бессудить» никоим образом. Тем более Томми знал, что в бутылке – ром, он уже сталкивался с этим напитком, нечаянно попробовав его из запасов тетушки, и повторять опыт ему не хотелось. Мальчик не понимал, зачем пить эту жгучую горечь, когда в мире существует столько вкусных напитков – сок, чай из трав, морс, компот...

– Итак, мои сухопутные мышки, что же вы забыли в доме старого ворчуна? – спросил хозяин домика, готовя напиток.

– Мистер Нордваттер, – сказала Элис, – откуда Вы знаете, что идет шторм?

– Я знаю, – сказал он и посмотрел в окно, – я его вижу. Он давно живет в моих глазах... С тех самых пор, – и он указал крючковатым пальцем на фотографию на стене, – вот с тех самых пор... Это место, каких нет больше на свете, место самых страшных штормов и самых лихих капитанов. Я прошел мимо этого мыса когда-то, и с тех пор я слышу шторм, который вскоре должен прийти, а вместе с ним всех тех, кто остался там, у рогатого мыса... Остался там навсегда.

Старик разлил по чашкам грог, в одну добавил немного из бутылки, а две другие протянул ребятам. Напиток был горячий и пряный, Томми раньше таких не пил. Он решил, что это истинный напиток капитанов, и теперь он тоже должен научиться делать такой.

Ребята просидели у старика до самого вечера, погружаясь в истории об удивительных приключениях его юности, о дальних островах, акулах и других морских чудовищах и чудесах. Томми внимал с широко распахнутыми глазами, впитывая каждое слово, как никогда не бывало с ним в школе. Элис тоже слушала с интересом, пока вдруг не увидела, как за окном начало темнеть, тогда она встрепенулась, вспомнив, что забыла даже предупредить маму, думая, что они ненадолго.

– Ох, и разозлится она... – сказала девочка печально, – за такое она может посадить меня под арест на целую неделю.

Мистер Нордваттер покачал головой:

– Валите всё на старого морского бродягу! Пошли, я вас сам провожу.

Ребята не ожидали от обычно молчаливого и угрюмого старика такой поддержки.

Мама Элис действительно встретила их суровым взглядом. Но потом он сменился удивленным.

– Доброго вечера, мадам! – сказал старик, – прошу Вас покорнейше простить меня. Ваши замечательные детишки сегодня мне очень помогли. Я немного устал, гуляя по берегу. Хе... уж годы не те, мадам. Они помогли мне добраться домой, и мы немного поговорили. Прошу еще раз прощения, что задержал их.

– Ну раз так, – сказала мама Элис, – то ладно. Очень рада, что Вам, сэр, уже лучше. Но, пожалуйста, в следующий раз не давайте им так долго засиживаться у Вас. Да, Элис? – и она строго посмотрела на дочь.

Элис кивнула и улыбнулась Томми исподтишка.

– До свидания, мистер Нордваттер! – сказала она старику, – Пока, Томми!

И она ушла в дом вслед за мамой, также вежливо попрощавшейся со всеми.

– Ну что ж, Томми! – сказал старик, похлопав его по плечу, – я вижу, удача на твоей стороне. Поздравляю, отличный выбор!

И он зашагал к дому.

– Мистер, Нордваттер! – вдруг встрепенулся Томи и быстро нагнал его.

– Да? – удивленно оглянулся тот.

– Так значит, шторм все-таки будет? – спросил Томми.

– Да, – тихо ответил старик, – он придет, обязательно придет.

«Тогда, – подумал мальчик, – нужно проверить лампу на маяке и все подготовить». И он тоже побежал домой.

Глава 3. Смешанные чувства

В гостиной в деревянном кресле из плавня сидела Мари и вязала. Жаннет дома не было. Томми сразу вспомнил об одном задуманном еще утром дельце, но решил, что встреча с мисте-ром Нордваттером была поважнее. А свой замысел он может исполнить и завтра.

– Привет, Мари! – поздоровался мальчик с порога, – а где Жаннет?

Та лишь пожала плечами, не отрываясь от вязания:

– Она девочка взрослая, передо мной отчитываться не обязана. А вот ты опоздал к ужину, так что иди и разогревай все сам.

«Подумаешь, ужин! Великое дело», – подумал Томми и парировал:

– Зато я пил настоящий морской грог!

– Ты? Грог? – Мари подняла голову и посмотрела на мальчика. Томми понравился про-изведенный его словами эффект и он, решив усилить его, добавил:

– Да! И с Элис! Она тоже пила.

– Вот это новости. И где же вы его взяли, этот грог?

– Нас мистер Нордваттер угостил. Ну... правда... без одного ингредиента, – наконец, сознался Томми, – но это все равно был самый настоящий морской грог!

Мари улыбнулась.

– Ну не сомневаюсь, раз сам мистер Нордваттер его вам предложил. А кстати, что это вы у него делали?

– Зашли в гости. Он, оказывается, в таких местах был! Полмира по морю обошел! Ты знала?

Девушка помотала головой.

– Нет. Не могу сказать, что я с ним хорошо знакома. Но я рада, что ты увлекательно провел вечер. А как в школе?

– Совсем не так увлекательно, как вечер, – пробурчал Томми и пошел греть ужин.

Жаннет вернулась поздно. С мокрыми от ночной росы волосами и странной мечтательной улыбкой на лице. Томми это встревожило, и он решил, что завтра все сам разузнает.

Удивив Мари ранним подъемом, Томми выскочил из дома вместе в ней, и понесся через лес. Мари только и успела окликнуть его, накидывая на плечи рубашку и беря новую корзину. Она закончила ее еще несколько дней назад, но все никак не могла приделать ручку.

– Ты куда так рано сегодня?

– Не хочу опоздать в школу, как вчера, – крикнул на ходу мальчишка. Мари только хмык-нула себе под нос, таким нелепым объяснением ее было не провести.

Мари пошла по дорожке, где только что в лесу скрылся Томми. Сегодня она казалась более задумчивой, чем обычно. Но рядом не было никого, чтобы это заметить. Несмотря на то, что на маяке был старенький, но крепкий велосипед, Мари никогда не пользовалась им по утрам. Она любила пройтись в свое удовольствие под сенью пробуждающегося леса, когда солнце уже озарило морскую гладь и маяк, а там еще царит таинственный полумрак и прохлада. Мари тихо ступала, наслаждаясь ощущениями изгибов земли под мягкой подошвой туфель без каблучков, и прикосновением ее новой юбки к ногам. Юбка слегка прикрывала колени и окан-чивалась двумя рядами кружев, которых было не купить в Городке-вниз-по-холму, а пришлось доставать издалека. Но оно того стоило. Ни Томми, который вообще подобных вещей не заме-чал, ни Жаннет, отдававшая предпочтение одежде из грубых тканей, не могли оценить этих деталей, однако здесь для Мари, как и во многом другом, было важнее ее собственное мнение.

Она вспоминала, как впервые попала сюда, уже почти шесть лет назад, путешествуя по миру, пытаясь разобраться в себе, и потерянная, она случайно оказалась на маяке. Жившая здесь семья с радостью приютила ее, и хозяйка маяка сделала девушку подмастерьем в своей

булочной в городке. Мари помнила, как эта женщина вот также любила с утра в тишине идти через просыпающийся лес к булочной.

Мари была вырвана из раздумий неожиданным звуком. В ветвях раздался хруст, и спугнутая птица перелетела на другой сук. Девушка остановилась и оглянулась по сторонам, но кроме могучих деревьев да редкого кустарника, там ничего не было.

«Отчего же мне так грустно в последние дни? – размышляла девушка, – жизнь моя ведь полна творчества – от выпечки до платьев и корзиночек. Булочная пользуется спросом, и жить на маяке – это то, о чем я всегда мечтала!». И тем не менее, что-то удручало Мари, особенно когда Жаннет стала возвращаться поздно по вечерам... такая счастливая... И Мари догадывалась о причине ее улыбок.

Войдя в булочную, она поставила корзину на прилавок и застелила дно бумагой, чтобы потом выложить туда булочки. Затем она пошла на кухню и поставила разогреваться печь.

Тем временем Томми уже подбирался к намеченному месту, и это вовсе не была школа. Он спрятался за одноэтажным зданием почты и наблюдал, как высокий мужчина в синем костюме раскладывал письма и открытки из мешка по разным стопкам, а потом загружал их в свою крепкую сумку через плечо. Нужно было прояснить вопрос раз и навсегда, решил Томми, но для этого необходимо было правильно построить разговор.

Томми выскочил почтальону наперерез, когда тот двинулся вниз по улице.

– Привет, Томми! – сказал тот, – что это ты тут делаешь? Мне казалось, что школа в другой стороне.

– Меня к тебе послал кое-кто... – с загадочным видом произнес мальчик и выжидающе посмотрел в голубые глаза почтальона. Тот остановился, похоже, попавшись на удочку.

– Да... – сразу замялся он, – и что же она... м... то есть, этот «кто-то» просил мне передать?

– А сам как думаешь? – не сдавая позиций, продолжал Томми.

– Что? – погрузился вдруг почтальон, словно в воду опущенный, – она... не придет сегодня?

Томми вдруг стало жалко этого в сущности милого, но неуверенного в себе мужчину. Он подумал про Элис, и попытался представить, как этот смешной почтальон и Жаннет вместе сидят на дереве, как любили делать они с Элис. Картина вышла странная.

– Нет, – ответил Томми, – всё в порядке.

– Так что же она просила передать?

– Да... ну не важно, ну то есть, я хотел сказать... ладно, – решился он, – могу я поговорить с тобой как мужчина с женщиной?

Почтальон замер и посмотрел на Томми с легкой улыбкой.

– Можешь, – кивнул он.

– Ты заберешь от нас Жаннет, да?

– Заберу? Как это я могу ее забрать, она же не посылка и не письмо, – удивился почтальон.

– Ну, известно как, – Томми немного злило, что этот почтальон был таким непонятливым. – Ну, женишься на ней, или как это там у вас водится...

– Подожди, – вдруг сказал тот, – это она тебя ко мне за этим послала?

Тут в голову Томми закралась мысль, что разговор приобретает совсем нежелательный оборот.

– Да нет же! – сказал он, – вообще она меня не посылала! Я сам пришел, потому что хочу знать... – и тут он осознал, что не понимает, что точно он хочет знать. А почтальон продолжал изучать его голубыми глазами, это окончательно разозлило мальчика, и он бросился к берегу, оставив мужчину в недоумении.

По дороге к школе Томми ругал себя за то, что все это затеял, и почтальона за его непонятливость. Внутри происходило что-то странное, непонятное. Томми вовсе не хотелось идти

на уроки, к тому же первой была математика, особо им нелюбимая. И вместо того, чтобы пойти вверх по дорожке, к школе, он свернул на берег и побрел по песку к морю. Скинув ботинки, он зарыл босые ноги в мокрый песок. Несмотря на теплую погоду, вода была холодная, она вообще редко прогревалась даже в бухте, поскольку вдоль здешних берегов проходило холодное течение, но Томми все равно время от времени купался. Вот и сейчас он вдруг встал, скинул с себя всю одежду и зашел в воду. Почти сразу волны стали захлестывать его, и, сделав пару махов руками, он понял, что стоит выбираться. Однако море не желало выпускать его так быстро. Мальчик знал эту особенность и не стал совершать своей старой ошибки, когда два года назад чуть не утонул, борясь с волнами. Вместо этого он поплыл вдоль берега, пока течение не выпустило его, и Томми голый и дрожащий снова выбрался на песок. Одежда его осталась позади на берегу, и он, на ходу обтираясь ладонями, побежал за ней. Мокрого в одних штанах и рубашкой в руках его и застал прогуливающийся по берегу мистер Нордваттер.

– Так-так, – усмехнулся тот, – так вот чем ты тут занимаешься, молодой человек. Разве не положено тебе сейчас грызть гранит науки?

– Если грызть что-то несъедобное слишком часто, – сказал Томми, ничуть не смутившись и натягивая штаны, – то можно и зубы сломать. А я решил сегодня с утра их побережь.

Такой ответ повеселил старика, и тот сказал:

– Ну что же, возможно, ты и прав... Я был моложе тебя, когда взошел юнгой на свой первый корабль. Хотя кто знает, может, если бы я потратил юные годы на учебу, моя жизнь сложилась бы иначе...

– Разве Вы жалеете о своей жизни? – удивился Томми, вспоминая его рассказы о морских приключениях.

– Ничуть, – гордо сказал старик, но потом покачал головой, – однако было одно...

– Да? – спросил Томми.

– Видишь ли... Однажды я встретил юную особу, такую прекрасную, как твоя вчерашняя спутница. Но ее отец не позволил ей выйти за бедного матроса, а к тому времени, как я стал капитаном, она уже давно была замужем и приходилась матерью троим ребятишкам.

Томми в возмущении вскочил:

– Но как же так? Она не любила Вас?

– Любила, я думаю... – сказал грустно старик.

– Так почему же не убежала с Вами?

– Не все так просто, Томми, не все так просто... О том я тебе и говорю. А теперь беги лучше в школу и не волнуйся за свои зубы, таким их не сломаешь. Зубы, мой юный друг, портятся от плохой пищи и воды... А я пока постою здесь... – и он, как и в прошлый раз, обратил взгляд к горизонту.

Томми не понимал, отчего у него общение со взрослыми на подобные темы вызывало раздражение. Они так любили все усложнять, и, поговорив с ними, ему и самому мир начинал казаться сложным, непонятным и полным необъяснимой тоски. Особенно остро он чувствовал это в последний год. Раньше мир виделся ему куда яснее и жизнерадостнее.

Томми взял портфель и куртку и, попрощавшись с мистером Нордваттером, побрел к школе. «Нет, определенно лучше держаться подальше от влюбленных людей, – подумал он, – это может быть заразительным».

– Где ты был? – прошептала Элис, когда он садился, вбежав со звоном на второй урок.

– Проводил исследование, – гордо сказал Томми и уткнулся в тетрадь.

– Математичка сегодня давала проверочную работу, – снова прошептала Элис, явно заинтересованная таинственным «исследованием».

– Подумаешь, – буркнул Томми, – пойдем сегодня на дуб?

Элис почему-то смутилась:

– Мама ругается, что я все время поздно прихожу.

– Тогда пойдем ненадолго, – предложил Томми, и обрадовался тому, что девочка кивнула.

Весь день Томми был слегка рассеян, ему не давало покоя то странно состояние, навеянное на него беседой с почтальоном и мистером Нордваттером. Как будто что-то тянуло или зудело внутри. Вроде снаружи все спокойно, а внутри неуютно, неудобно, и хуже всего – непонятно, отчего так.

Погруженный в свои мысли, но при этом не снижающий скорости передвижения, Томми чуть не сбил с ног чинно шествующего по коридору мистера Вилькинса в своём отглаженном костюме. Пораженный подобной наглостью, учитель географии поднял рыжие пушистые брови и устался на оказавшегося перед ним мальчишку.

– Ой! – воскликнул Томми, удивленный столкновением не меньше, чем его преподаватель. – Прощу прощения, мистер Вилькинс! – и, не подумав, добавил: – Я Вас не заметил!

– Неужели? – снова поразился рыжебородый преподаватель, – а я думал, что хоть от этого огражден благодаря моему росту, – как всегда, сострил тот вместо того, чтобы рассердиться, как поступил бы на его месте любой другой учитель. Томми улыбнулся.

– Это правда странно, – согласился он, – и, тем не менее, это так. Видители, сэр, моя голова была слишком занята важными мыслями, чтобы еще при этом следить за ногами. А ноги привыкли переставляться очень быстро... Ну и вот...

– Позволю себе полюбопытствовать, чем же именно была так занята твоя голова? Не тем ли, что тебе придется писать объяснительную мадам Жерни о своем прогуле?

«Вот же... – подумал Томми, – уже знает».

– Увы, нет, сэр, – сказал он, – над этим как раз я еще не думал.

– Тогда советую поставить это в очередь размышлений, а между тем снизить скорость передвижения. Ведь если в следующий раз на моем месте окажется мадам Жерни, это может быть фатально, – заметил мистер Вилькинс и пошел дальше по коридору.

«Фатально – это как?» – подумал Томми и побежал на урок, не воспользовавшись рекомендацией по скоростному режиму.

Элис сидела на толстой ветке дуба, болтая ногами. Юбка, которую ее обязывала носить мама, совсем не мешала ей карабкаться по ветвям почти так же ловко, как Томми. Сверху, где они сидели, были видны кроны других дубов и просветы тропинки, ведущей к маяку. Томми сидел рядом и разглядывал резные дубовые листья. Изредка он поднимал глаза на девочку, и замечал, что любит ее кудряшками, торчащими из совсем растрепавшейся косы, немного длинным ртом, тонким и правильным носом, пушистыми ресницами и серо-голубыми с зеленоватыми прожилками глазами, напоминавшими ему полевые цветы. Ловя себя за этим занятием, он сразу же отводил взгляд и снова принимался разглядывать листья.

– Томми, – прервала молчание Элис, продолжая болтать ногами, – расскажешь уже о своем исследовании или так и будешь сидеть букой?

Томми удивился, ему вовсе не казалось, что он какой-то там «бука», и с чего только она взяла это?

– Элис, ты не замечала, что иногда взрослые вполне нормальные, а потом неожиданно какие-то странные?

– Чего тут замечать... – пожалала она плечами, – все такие бывают. Вот ты тоже обычно нормальный, а сегодня весь день – странный.

– Я? – поразился Томми.

– Ну а кто, не я же! Ходишь в своих мыслях, на вопросы мои толком не отвечаешь, на уроках... ну впрочем, на уроках ты всегда отвлекаешься. Может, расскажешь толком, что случилось?

– Понимаешь, – начал он, – в этом все и дело – случилось не у меня... А чувствую себя странно я. Только пообещай, что никому не расскажешь!

– Клянусь, – серьезно сказала девочка, и подняла раскрытую правую ладонь.

– Хорошо, – сказал Томми, – так вот мне кажется, что... Жаннет и наш почтальон, Анри, ну... влюбились друг в друга...

– А, – вдруг с улыбкой сказала Элис, – ну что же здесь такого. Они оба очень милые, молодые и, как говорит мама, «свободные» люди. А что, разве тебе не нравится Анри?

– Ну... нет, не то чтобы не нравится... просто... Жаннет теперь такая странная, с ней толком не поговорить стало, и он тоже ведет себя странно, и еще мистер Нордваттер...

– А что с ним? – девочка с интересом посмотрела на Томми.

– Ну он тоже рассказал мне сегодня, что был когда-то влюблен, – и Томми кратко пересказал его историю.

– Как это печально, – сказала Элис тихо, – бедный мистер Нордваттер. И он так и не женился потом...

– Не знаю, – пожал плечами Томми, – наверное...

– Так романтично....

Томми покачал головой: вечно девчонки носятся с этим своим «романтично», и замолчал, снова переведя взгляд на листья. Элис тоже молчала, но почему-то казалась Томми немного смущенной.

– А почему эти истории так заинтересовали тебя сегодня? Может быть, ты тоже?..

– Я тоже что? – встрепенулся Томми.

– Ну... тоже... влюблен... – и она уставилась на свои сандалии, продолжая болтать ногами.

«То есть как, влюблен? Вот как они?» – Томми посмотрел на Элис, на румянец на ее щеках, кудряшки возле ушей, длинную шею. Ему вдруг стало неловко сидеть вот так рядом с ней, хотя всегда она была ему другом... С ней он мог затеять любую проделку, о чем угодно поговорить. И вот теперь ему вдруг совсем расхотелось говорить с Элис. И он молчал, и она тоже молчала. Потом сказала как-то грустно:

– Ну ладно, наверное, мне уже пора...

Томми же вместо того, чтобы обрадоваться, что она не продолжает неприятный ему разговор, почему-то снова огорчился. Такая противоречивость в чувствах раздражала его. Ему вдруг захотелось вылить это раздражение на ни в чем не повинную девочку. Но Элис была его лучшим другом, и он удержал себя. Вместо этого он спросил:

– А завтра тебя отпустят посмотреть закат со мной?

Элис вдруг улыбнулась и, сказав, что она постарается отпроситься, стала спускаться с дерева. А Томми почему-то почувствовал себя невероятно счастливым от ее улыбки, хотя девочка и уходила. Он совершенно запутался.

Проводив Элис до дома, Томми бросился бегом к маяку и, забравшись на верхнюю площадку к фонарю, сел у перил и стал ждать закат. Он совершенно забыл, что хотел изучить строение осветительного элемента под толстыми ступенчатыми гранями стекол маячного фонаря.

Волны на море стали сильнее, они накатывали на берег и разбивались о его скалистые отроги. Томми подумал, что он сам сегодня, как море, волна за волной приходят к нему – то волна печали, то волна радости, и он ничего не понимает, только чувствует эти волны внутри, одну за другой, одну за другой...

Мари поставила на стол глиняную вазу с ромашками, которые она набрала на склоне. С середины дня в булочной ее сменила Жаннет: сегодня Мари решила сделать себе выходной. Она бродила по окрестным холмам, напевая старые песенки на вымирающем диалекте. На самом деле это был даже самый настоящий язык, на котором говорили ее предки, жившие на побережье теплого моря, у них был огромный виноградник и оливковые деревья. Но потом история сделала очередной странный виток, и не осталось ни длинных гряд, засаженных виноградными лозами, ни оливковых деревьев с их извилистыми ветвями, под которыми стелили сетки, чтобы собирать урожай. А язык их почти исчез, сохранившись лишь в виде фольклорных песенок, которые сейчас мало кто помнил. Мари эти песни пела ее мама, и девушка унесла их с собой, когда отправилась путешествовать. В этих же краях было холодно для винограда и оливковых деревьев. Зимой тут выпадало столько снега, что некоторые дома, подальше от побережья, приходилось откапывать. Однако здесь было море и теплое длинное лето, захватывающее даже первый месяц осени.

Мари запекла рыбу, купленную утром у местных рыбаков, с розмарином, высаженным ею на маленьком огорожке у маяка, разбитом еще прежними хозяевами. Теплолюбивое растение обитало на специальной горке, а на зиму Мари пробовала укрывать его лапником или забирать в горшке в дом. Но все заканчивалось тем, что по весне она прорастивала новую рассаду.

Рыба золотистая и ароматная отлично смотрелась рядом с грубым кувшином, полным веселых бело-желтых глазок ромашек. Мари с удовлетворением посмотрела на получившийся натюрморт.

– А, вот ты! – сказала она спустившемуся в гостиную Томми. – Неси компот из погрёба, и будем ужинать.

Томми послушно спустился и вернулся с банкой компота, он разлил его по пузатым глиняным кружкам и залпом выпил.

– Как твои успехи? – спросила его Мари.

– Нормально, ничего выдающегося... Вообще не очень понимаю, почему ты так настаиваешь, чтобы я каждый день ходил в школу, ведь я бы мог вам больше помогать в пекарне.

– Это успеется, – сказала Мари, – а вот образование – вещь важная. И потом, неужели тебе совсем там не интересно? Мне казалось, ты говорил, что любишь географию. Как там вашего преподавателя зовут?

– Мистер Вилькинс.

– Вот он хвалил тебя как-то... Не помню, когда это было. Он заходил к нам за хлебом и сказал, что из тебя вырастет настоящий путешественник.

– Я уже путешественник, – с гордостью заметил Томми, слова Мари ему польстили. Он хоть и впрямь с уважением относился к этой науке, но не знал, что и мистер Вилькинс это замечал.

Томми сел за стол и понюхал рыбу.

– Что это ты? Не нравится? – удивилась Мари. У Томми всегда был хороший аппетит, особенно после вечерних прогулок, да и рыбу он любил, но сегодня ему не хотелось есть.

– Все хорошо, Мари, – сказал мальчик и вяло принялся за еду. От Мари не укрылось его состояние.

Она села за стол и некоторое время ела молча, наблюдая за мальчишкой. Потом отложила вилку и сказала:

– Ты из-за Жаннет так переживаешь?

Томми покачал головой.

– Тогда в чем дело? Неужели поругался с Элис?

– Да нет же! – воскликнул он, раздраженный ее настойчивостью. Но потом добавил: – Мари, ну я тебе этого все равно не могу сказать. Дело в том, что я даже себе не могу.

Мари улыбнулась, начиная понимать.

– Просто ты вырастешь, Томми. Вот в чем дело.

Он оторвался от рыбы и посмотрел на нее с ужасом. «Как такое возможно? Неужели быть взрослым это всегда так... так непонятно себя чувствовать», – подумал он.

– И ты всегда так себя чувствуешь? – и Томми посмотрел на девушку с тревогой.

– По-разному, – ответила Мари, – но в твоём возрасте я чувствовала себя и впрямь странно, и толком не могла никому ничего объяснить. Я тогда стала много времени проводить одна. Но с возрастом мне стало полегче.

– Но ведь ты и сейчас любишь бывать одна.

– Это верно, – улыбнулась девушка, – просто у меня склад характера такой. Мне легче размышлять, когда никого рядом нет. Однако чувствую я себя сейчас гораздо лучше, чем в подростковые годы. Просто не давай этим чувствам поспорить тебя со всем миром. Все проходит через этот возраст, и поверь, твоим сверстникам не легче...

– Подожди, ты хочешь сказать, что я просто не должен никому ничего показывать?

– Нет, – Мари отрицательно покачала головой, – просто понимать, что с тобой все в порядке, ты просто сейчас себя так чувствуешь, но это в любой момент может измениться. А если вдруг накатывает злость или печаль – не винить в этом окружающих.

– Как-то все это непонятно... – нахмурился Томми, – Если я радуюсь – я радуюсь, а если злость, то на это должна быть причина.

– Наверное, она есть, просто ты об этом не знаешь...

Глава 4. Шторм

Утром Томми проснулся и увидел, как их маяк тонет в мокром белом облаке тумана. Он открыл окно и не смог различить там ни извилистой береговой линии, ни горизонта, ни даже самого моря. Только крики чаек сообщали о том, что обитатели маяка все еще здесь, а не где-нибудь высоко в горах заблудились в сползшем на них облаке. Томми еще никогда в жизни не видел такого густого тумана. Он зажмурился, думая, что, возможно, этот туман – лишь продолжение его сна, но когда он снова распахнул глаза, туман никуда не делся и медленно тек к нему в комнату.

Накинув куртку, Томми побежал наверх. Но и там было царство тумана. Тогда он бросился в гостиную, чтобы спросить Мари, не пора ли им зажечь маяк. Однако в комнате было пусто. Это обстоятельство несколько смутило Томми, ведь Мари вставала первой. Комната Жаннет была заперта на крючок изнутри. Томми принялся барабанить в дверь. Через некоторое время из-за нее раздался сонный голос девушки:

– Ну что еще такое? Рано же...

Крючок лязгнул, и на пороге показалась взъерошенная Жаннет в длинной сорочке.

– Томми, ну что такое? – недовольная пробуждением, сказала она.

– Жаннет, посмотри в окно! Там такой туман! Мари нигде нет, а я не знаю, как работает маяк. А нам срочно нужно зажечь его!

– Томми, этот маяк нерабочий, ты же знаешь... Он это... не значит в регистрах уже или как их там... Мари... – и она откровенно зевнула, – наверное уже ушла... Ну дай же мне поспать... Иди там... куда? А, да... в школу... – И она, прошедев к кровати, повалилась на нее, даже не закрыв за собой дверь.

В ее комнате царил беспорядок. В углу у кровати валялся ворох одежды, по полу были разбросаны тюбики с краской, а у окна стоял мольберт с незаконченной картиной. На канве мягкими оттенками голубого и синего струилась морская гладь, вдоль нее серо-желтой полоской тянулся берег, по которому шли две фигуры спиной к зрителю, по нечетким деталям можно было догадаться, что это мужчина и женщина, держащиеся за руки. По небу над ними тянулись полупрозрачные перистые облака и летели две чайки.

Томми некоторое время глядел на мольберт, потом он перевел взгляд на окно и, вспомнив о том, что его привело сюда, попытался снова разбудить Жаннет, но та лишь отмахнулась от него и укрыла голову подушкой.

Мари он нигде не мог найти. В гостиной лишь ромашки смотрели на него своими глупыми глазками с чисто убранного с вечера стола. Томми поднялся в маленькую комнатку, служившую библиотекой. Там вдоль округлых стен были размещены повторяющие их форму книжные полки. Он принялся изучать их содержимое в надежде найти что-то о маяке. Но видимо, бумаги, посвященные маяку, хранились где-то еще, так как поиски успехом не увенчались.

Нужно было что-то предпринимать. Томми нутром чувствовал: если ему не удастся зажечь маяк, может случиться что-то страшное. Тогда он взял из гостиной старинную масляную лампу, выполнявшую там больше декоративную функцию, и спички, и отправился наверх.

Когда он вышел к фонарю, по его коже пробежало холодное дыхание ветра. Туман начал движение, и его клубы приобретали диковинные формы. Томми поставил фонарь на пол и огляделся. Волокна тумана, переплетаясь, казались ему то диковинными птицами, то лодками, а в какой-то момент мальчику почудилось, что он видит вздымающиеся белые паруса.

Томми попытался открыть маячный фонарь. Он не знал, как его следует зажигать, и поставил под толстое граненое стекло свою маленькую масляную лампу. Ее тусклого света едва

ли хватало на пространство вокруг. Томми был в отчаянье. Он бросился вниз, быстро натянул уличную одежду и, покинув маяк, побежал по тропе через лес.

Могучие исполины сплетали свои ветви над его головой, и в тумане казались мальчику вовсе не привычными деревьями, а какими-то чудовищами. Но он продолжал бежать и вскоре оказался у голубой двери булочной. Она была заперта, а за стеклянными окошечками царил мрак. Это еще больше обеспокоило мальчика. Не зная, что предпринять, он вдруг подумал о старом моряке, который должен был знать о работе маяка, и бросился вниз к берегу.

На стук в дверь появился мистер Нордваттер и удивленно посмотрел на мальчика.

– Что тебя привело ко мне в столь ранний час, Томми? – спросил он, поправляя воротник куртки.

– Сэр, – сразу перешел к делу запыхавшейся мальчик, – Вы знаете, как работает наш маяк? Мы должны зажечь его! На море туман, Жаннет не хочет помочь мне, а Мари пропала...

– Как это пропала? – старика, похоже, обеспокоило именно последнее.

– Ее нет ни на маяке, ни в булочной!

Тот задумчиво почесал седую бороду и сказал – Так-так... вот так дела...

– Дай-ка мне минуточку, – добавил он и пошел в дом. Там старик порылся на полках и снял с одной толстую растрепанную книгу с выпадающими страницами. Он положил ее на стол и стал листать, что-то бубня себе под нос.

Тем временем ветер усиливался, и с моря летели клочья тумана, а небо, проглядывающее через них, затянули свинцово-синие тучи. В воздухе разлился предгрозовоый запах. А вдалеке вдруг всполохнуло, и вслед за этим, чуть погодя, раздался тяжелый гул.

Старик поднял глаза на море и вдруг улыбнулся неведомо чему...

Он накинул свой старый желтый плащ и из того же материала желтую шапку-капюшон, сунул под мышку книгу с торчащими из нее листами, и помахал рукой Томми:

– Пошли, юнга! Время пришло!

В его водянистых глазах играл огонек.

Жаннет разбудил удар грома. Она выглянула в окно, и лицо ее обдало первыми мелкими каплями дождя. Ни Томми, ни Мари нигде не было. Пока девушка бегала по маяку, в небе полыхнуло, и послышался новый удар уже с гораздо меньшим промежутком. Жаннет накинула плащ и выскочила на улицу, она вытащила из домика у маяка старенький велосипед и покатила на нем по лесной тропке, подпрыгивая на корнях. Когда она добралась до булочной, дождь уже лупил по земле и крышам домов с полной силой. Дверь булочной оказалась заперта. На улицах было пусто, а по дорожкам текли первые потоки воды, смешанные с землей.

Жаннет, разбрызгивая вокруг себя эту жижу, вновь принялась крутить педали. Дверь почты также оказалась закрыта. Она развернула велосипед и направилась к школе. В такой ливень никто, видимо, не стал выпускать своих детей из дома, и во дворе школы было пусто. Однако под козырьком девушка увидела долговязую фигуру. Подъехав ближе, она разглядела и рыжую шевелюру прятавшегося там от дождя мужчины.

– Вот это стихия, – сказал ей мужчина вместо приветствия, – а вы не похожи на школьницу, мадам, что привело Вас сюда, да еще в такую непогоду?

Жаннет, борясь с потоками, заливающими ее лицо и рот, – крикнула долговязому:

– Я ищу Томми и Мари, они пропали!

Улыбка на лице рыжебородого сменилась встревоженной гримасой:

– Так Вы коллега Мари из булочной и одна из опекунов Томми? – он не сразу узнал мокрую и залепленную грязью Жаннет.

– Да как-то так! – крикнула она сквозь пелену усиливающегося дождя.

– Томми с утра говорил, что не видел Мари. Я думала, она ушла в булочную, а сейчас ни его, ни ее нигде нет! А в булочной пусто!

– Странное дело... – сказал ее собеседник, – но отчего Вы мокните – идите же сюда, под крышу!

– Нет, нет! – я поеду их искать! – крикнула она. – Думала, может, Томми здесь...

– Не надо так переживать, пожалуйста, ну да постойте же Вы! Может, Вы просто с ними разминувшись, а они уже дома... – Но Жаннет его не слышала. Развернув велосипед, она неслась обратно вдоль берега.

Элис сидела у окна, за которым уже не было видно ничего, кроме сплошных потоков дождя. Мама, видя грозу, не отпустила дочь в школу, да и сама ожидала дома окончания стирки.

Девочка думала о маяке и о том, как там сейчас его обитатели в такую грозу. За окном снова сверкнуло, и вскоре раздался гулкий раскат грома. Элис придвинулась ближе к стеклу, но за окном по-прежнему было невозможно ничего различить.

Томми и мистер Нордваттер быстро шли через лес, хлюпая по размытой тропинке ногами. Их ботинки давно промокли и перепачкались в земляной жиже, но они не обращали на это внимание. Дверь маяка осталась незапертой, и вошедшие стали быстро подниматься, оставляя за собой грязные следы на лестнице. Наверху дул сильный ветер, напитанный потоками небесных вод. С трудом различая что-либо, мальчик и старик опустили около большого маячного фонаря и принялись за работу.

Тяжело дыша, мокрая, но не замерзшая, Жаннет крутила педали. Она подъехала к маленькому аккуратному домику с бежевыми стенами и красной черепицей и, бросив железного коня у двери, стала стучать. Очень быстро дверь распахнулась, выпустив вместе с теплым воздухом из помещения мужчину. Он раскрыл в изумлении голубые глаза и воскликнул:

– Боже мой, Жаннет, заходи скорее внутрь! – и, взяв ее за мокрые плечи, втянул в теплое помещение.

Анри хотел сразу проводить вымокшую до нитки девушку к очагу, но она не дала этого сделать, порываясь бежать куда-то, что-то невнятно лепеча. Однако он все же настоял на своем, беспокоясь за здоровье девушки. Анри снял с ее плеч бесполезный плащ и, пока она не успела в очередной раз запротестовать, отвел ее к растопленному камину.

На пороге гостиной появилась хрупкая старушка, которой мужчина помахал рукой, сказав «все хорошо, мама! Не беспокойся, это моя знакомая, из булочной, Жаннет...», ему не хотелось долгого и обстоятельного объяснения с мамой, каковое их непременно ждало бы, если бы он убедительным тоном не попросил ее удалиться к себе в комнату. Как только за пожилой женщиной закрылась дверь, Анри сразу же обратился к Жаннет, всей душой желая помочь ей, но пока не понимая, что могло привести ее в столь нервное состояние. Старушка же тем временем деловито кивнула и отправилась вовсе не к себе в комнату, а на кухню, ставить чайник. «Как же! – сказала она себе под нос, – девушка вся вымокла! Ей же нужно согреться!»

– Что произошло? – спросил почтальон, пытаясь приблизить к огню выглядящую дико девушку.

– Анри, – еще не отдышавшись, начала она, – я нигде не могу найти Томми и Мари... – в ее голосе зазвучали слезы.

Мужчина мягко привлек ее к себе, пытаясь успокоить.

– Подожди, подожди... ну не волнуйся, они никуда не могли деться. Мы их сейчас найдем. Но тебе надо переодеться и рассказать мне, что произошло.

Первое девушка проигнорировала и сразу перешла к сумбурному повествованию об утренних происшествиях.

Маяк никак не хотел зажигаться, и вымокшие мальчик и старик выбивались из сил под порывами дождя и ветра. Небо озаряли всполохи, уже почти мгновенно сопровождающиеся раскатами грома. Чудовищного размера туча, переваливая мясистые бока, катила по небу прямо на белую башенку, возвышающуюся на скалистом мысу.

– Давай же, дырявое ты корыто, шут тебя разбери! – кряхтел мистер Нордваттер. Томми, пытаясь озябшими пальцами помочь ему, только стискивал зубы. Наконец, под старыми жилистыми ладонями вспыхнуло, и по граням толстых стекол разлился свет. Он заполнил все пространство на верхней площадке, перевалил через перила и побежал по вспененным волнам прочь. Старик подлил масла в механизм, завел его, и фонарь начал свое вращение.

Вдруг тучи, озаренные этим не грозovým всполохом, вздрогнули, и на их свинцовой канве стали проступать знакомые Томми очертания величественного корпуса, увенчанного тремя прямыми, как сосны, мачтами. На крестовинах реев трепыхались, подгоняемые ветром, обрывки некогда огромных полотнищ парусов, острый бушприт шел прямо на маяк, а на носу стояла маленькая фигурка. Волосы ее развивались на ветру, и казалось, на них играют лучи солнца, до того они были золотистыми. Девушка на носу корабля улыбалась старику и мальчику, замершим в изумлении на вершине маяка.

Старик протянул руки к грозovým облакам, на его морщинистом лице играла юношеская улыбка. Одними губами он прошептал «Элен», и девушка с золотистыми кудрями кивнула и снова улыбнулась ему.

Небо озарилось яркой разветвленной стрелой молнии, осветив могучий корпус корабля и женскую фигурку, тянувшую вперед руки. На мгновение ладони призрачной девушки соприкоснулись с ладонями старика. Он же показался Томми молодым юношей, принимавшим в объятия свою невесту.

Молния погасла. Теперь тучи прорезал лишь свет маяка. Мистер Нордваттер стоял у перил и улыбался, глядя куда-то за грозовое небо.

Свет давно неработающего маяка в тот день увидели все жители городка. И молодой почтальон, на пороге своего дома укрывавший плащом взъерошенную художницу, и учитель географии, ехавший вверх по холму на своем маленьком спортивном велосипеде, и девочка Элис, вопреки запретам матери выскочившая под дождь, чтобы лучше видеть этот свет. А в грозовой туче мчался на всех парусах старинный фрегат, а на его носу стояли две фигуры – молодой мужчина, обхвативший за плечи солнчеволосую девушку. Это видение вспыхнуло лишь на мгновение в отблеске молнии, и из всех жителей городка лишь Элис смогла разглядеть их, стоящих у бушприта, и девушка на корабле показалась ей смутно похожей на нее саму.

А выше, по холму, заблудившаяся в тумане, шла по размытой каменистой дороге на свет маяка Мари, спотыкаясь в своих маленьких туфельках. Она уже почти выбилась из сил, блуждая среди мокрых скал, куда отправилась ранним утром побыть наедине со своими мыслями и собрать немного лекарственных трав. Но вдруг небо озарили не молнии, а мягкие лучи с мыса. Мари рассмеялась, вторя грозе, и бросилась к свету, но уставшая, оступилась и рухнула в размытую водными потоками землю. Разбив в кровь колено, Мари поднялась и попыталась снова идти на свет. Некоторое время ей это удавалось, и она шла вперед, пока не выбралась на открытый склон. Но там силы покинули ее усталое тело, и девушка повалилась на мокрую траву.

Эту фигурку видел карабкающийся по склону велосипедист.

Мистер Вилькинс, встревоженный сообщением Жаннет, накинул плащ и отправился в школьный сарай. Взяв свой велосипед, он поехал к маяку в надежде убедиться, что все уже там и это была ложная тревога. На подъезде к нему мужчина увидел, как на верхушке белой башенки загорелся свет, и уже хотел успокоиться и повернуть назад, когда в его лучах разглядел ту самую фигурку на склоне. Он поспешил наверх, бросив велосипед на дороге, ведущей к маяку. Вскарabкавшись по мокрой траве склона неподалеку от мыса, на котором возвышался маяк, мистер Вилькинс обнаружил там омываемую небесными водами хрупкую девушку в мокрой блузе и грязной от земли юбке с кружевами. Он опустился рядом с ней и попытался помочь ей подняться. Мари, почувствовав прикосновение, пошевелилась и подняла голову. Ее темно-карие глаза встретились с зелеными глазами ее спасителя.

– Держитесь, Мари! – сказал он и поднял ее на руки.

Дверь маяка распахнулась, и туда вошли два насквозь мокрых человека. Томми сбегал вниз, заметив с маяка две приближавшиеся фигуры, и скорее занялся растопкой камина. На пороге стоял высокий мистер Вилькинс в своем когда-то идеально выглаженном костюме, по его острой бородке и веснушчатому лицу текла вода, он держал, обхватив за талию, хрупкую фигурку Мари, с одежды и темных волос которой также текли струи воды.

На следующий день жители Городка-вниз-по-холму рассказывали друг другу странные истории о необычном облаке, виденном многими во время шторма. Мадам Кюрю утверждала, что ее пес выбежал из дома прямо под дождь и лаял без устали. Она никак не могла сладить с этим лохматым хулиганом.

Большой шторм и впрямь принес много удивительного. Например, вопреки опасениям Мари, и ее рыжий спаситель ухитрились не заработать даже легкой простуды. А почтальон Анри обрадовал свою пожилую мать долгожданным известием, о том, что он, наконец, женится.

Утро после шторма было напитано свежестью. Вдоль береговой линии валялись, словно волосы русалок, разбросанные обрывки водорослей, с запутавшимися в них кое-где ракушками и крабами. Последних ловко выцепляли оттуда оживившиеся морские птицы. Несколько домов, располагавшихся возле воды, потрепало шквальным ветром, особенно не повезло школьной крыше. Часть классов была залита водой, и все, кто имел к этому зданию отношение, помогали с его починкой. Дети же, обрадованные неожиданным выходным, разбрелись по берегу в надежде отыскать морские сокровища, выброшенные океаном.

Элис отпросилась у мамы, и к ее ужасу помчалась прямо в светлых босоножках по оставшимся после грозы лужам. Когда девочка встретила Томми, он поведал ей о том, что случилось в тот день на маяке. И они поспешили на берег, к домику мистера Нордваттера. В день шторма старик ушел с маяка никем не замеченный, ведь все были так заняты просушкой. Услышав об этом, Элис сказала, что им стоит скорее проведать его, тем более, что домик старика находился

ближе к всего к морю и мог пострадать. Однако Томми догадывался о причинах исчезновения мистера Нордваттера.

Дети выбежали на берег и спустились к домику. Тот и впрямь был потрепан бурей, сваи, на которых он стоял, оплели исторгнутые океаном водоросли, и по мокрым отметидам было видно, что в этот раз вода почти залила дом. Ребята постучались, но им никто не ответил, тогда Томми толкнул дверь и первым ступил за порог. Они нашли старика мирно лежащим в постели. На лице его светилась легкая счастливая улыбка, и он казался моложе.

Весь городок собрался на похороны старого капитана. Но только Томми и Элис не хотели смотреть на все эти глупые букеты и процессии. Они стояли на берегу, взявшись за руки, устремив взгляды за линию, где соприкасалась морская гладь с небесной, как некогда делал мистер Нордваттер. Они знали, что он сейчас, после стольких лет сухопутной жизни, наконец, снова на корабле и рядом со своей возлюбленной. Жители Городка-вниз-по-холму, провожая одного из его старейших обитателей, в итоге должны были признать, что мистер Нордваттер оказался прав – шторм действительно пришел.

Часть вторая. Тайна капитана Орлоба

Глава 1. В порт

Утро разливается над бирюзовым морем. Солнце уже давно поднялось, и теперь подпекает бока холмов. Ветер с берега тянет нагретый воздух, полный запахов буйствующей растительности. Сегодня все, кроме Мари, встали поздно. Томми еще лежит, вытянувшись на постели, и вдыхает аромат ушедшего лета, струящийся сквозь распахнутое окно маячной башни. Сегодня ему не нужно идти в школу, но и в булочной он не дежурит, а все потому, что у них с Жаннет и ее женихом – почтальоном Анри – намечена важная миссия. В дверь раздается нетерпеливый стук, и в проеме появляется Жаннет в своем любимом комбинезоне.

– Эй, да ты еще в постели! – возмущенно провозглашает она, – давай-ка бегом, а то скоро придет Анри!

И понеслось. Зачаровывающий полусон отхлынул от Томми, и мальчик резво вскочил с постели. «Подумаешь, – сказал он сам себе, – мне же не надо столько времени на сборы, как вам с Мари! Вот я встал, и вот я готов!» – он быстро оделся и побежал вниз по винтовой лестнице. Сунув нос под неравномерную струйку воды, мальчик пару раз бряцнул металлическим язычком умывальника – для создания видимости активных утренних процедур, и помчался в гостиную. Там пахло странно. «Все-таки картины у Жаннет получаются куда лучше, чем завтраки», – вздохнул он. На столе красовалась горстка подгоревших блинчиков разнообразной формы. Жаннет выставила баночки варенья и сметаны и заявила, чтобы мальчик поторапливался.

Мальчик задумчиво поковырял вилкой творение ее кулинарного искусства и, выбрав пару наиболее привлекательных овальчиков, принялся за еду. Когда к маяку подъехал небольшой грузовичок с прикрытым брезентом кузовом, Томми, уже разделявавшийся с завтраком, добежал до двери даже раньше художницы. Из кабины вылез молодой черноволосый мужчина. Сегодня вопреки обыкновению он был не в синей форменной одежде, а в клетчатой рубашке и штанах из крепкой материи. Пожалуй, Томми впервые видел их городского почтальона в «штатском».

– Доброе утро, Томми! – поздоровался Анри, – вы готовы? Где Жаннет?

– Конечно, я готов! – гордо заявил мальчик, – а Жаннет копается где-то там, – мстительно добавил он, припомнив ее утреннее замечание.

Вслед за этими словами на пороге маяка появилась весело улыбающаяся девушка. В ее каштановых волосах почти не было видно цветных прядей, как она любила. Причиной этому было состоявшееся на днях официальное представление девушки в качестве невесты маме жениха. По этому поводу Жаннет смыла краску и даже немного уложила непослушные волосы. В то воскресное утро, убегая в булочную на дежурство, Томми наблюдал небывалое – как художница гладила платье в горошек. В таком одеянии он видел Жаннет всего пару раз, наверное, за два года его жизни на маяке. «И стоило так стараться, – подумал тогда Томми, – ведь мать почтальона уже видела девушку в день большого шторма вымокшую под дождем, в заляпаных грязью с колес велосипеда штанах, и уж если тогда ее ничего не смутило, то смысл казаться иным человеком?» Мари называла подобное поведение словом «приличия». Мама Элис тоже любила данное слово. Но мальчику всё это казалось просто смешным.

Анри галантно поцеловал художнице руку, а она, ничуть не смущаясь присутствия Томми, чмокнула жениха в хорошо выбритую щеку, после чего запрыгнула в кабину. Томми же с разбойничьим криком метнулся к кузову, – ошарашенный происходящим, Анри еле успел остановить мальчишку на самом подлете к кузову, чтобы тот не прорвал брезент. Они вместе

смотрели ткань, и Томми уселся прямо на сверток. Маленький зеленый грузовичок натуженно заурчал и, пару раз фыркнув, покатился вниз по склону, вдоль берега, в объезд лесу.

Дорога шла то вверх, то вниз, и Томми, высунувшись из кузова, с жадностью поглощал глазами морскую синеву. Ветер обдувал его светлую и лохматую голову, нашептывая о дальних странах и приключениях, которые ждали мальчика впереди. Дорога вела в порт, туда должен был прибыть заказанный ими контейнер с несколькими галлонами¹ белой краски. Фургончик подпрыгивал на ухабах, и Томми подбрасывало на свернутом брезенте.

Мальчику вспомнилось, как он два года назад вот также ехал в кузове по этой дороге. Понятное дело, что у маленького беглеца не было денег, и перемещался он на попутках. Водители попадались хорошие, они порой подкармливали мальчика и даже приглашали заночевать у них, когда дело шло к вечеру. Томми не любил оставаться в долгу, поэтому в доме у добрых хозяев старался чем-нибудь помочь: то дров нарубить, то полы помыть, то в огороде что-нибудь сделать. Так он добрался до моря, о котором неосознанно мечтал, как ему казалось, всю жизнь! Небольшой Портовый город располагался на склоне горы, а потом спадал вместе с ней вниз, к воде, в удобную и укрытую от штормов бухту, однако по сравнению с их Городком-вниз-по-холму он казался огромным. В переплетении кривых улочек можно было блуждать часами, толком не понимая, в какую часть городка ты забрел, и ясно было лишь одно – иди вниз, и рано или поздно окажешься у моря. Так Томми и дошел тогда до порта. Это место напоминало пристанище диковинных животных. Металлические жирафы хватили зубами грузы на тросах, корабли с большими черными тубами пыхтели, как киты, и гудели, как стая слонов. Томми затерялся в толпе и не сразу понял, как оказался в зоне отгрузки. Деловитые крепкие парни сновали туда-сюда, не замечая путавшегося в ногах мальчишку. От всего этого нового и необычного многообразия бойкий Томми слегка оробел и не понимал, куда ему деваться. Из этого состояния его вдруг вывел мелодичный женский голос, говорящий что-то командным тоном. Мальчик огляделся и заметил рядом с причалом хрупкую девушку, лихо отдававшую распоряжения двум крепким и загорелым мужчинам в полосатых фуфайках.

¹ Галлон – мера объема, как правило, жидкости в английской системе мер, соответствующая от 3,79 до 4,55 литра (в зависимости от страны употребления). Причем, она могла меняться в истории в зависимости от того, какие продукты ею измеряли. Изначально в Англии галлон определялся как объем 8 фунтов пшеницы. Фунт составляет примерно 0,45 кг, хотя, например, в XVIII веке в Европе существовало более ста разных фунтов... На данный момент английский галлон составляет 4,5461 литра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.